

Содержание

Почти художественная самодеятельность на руинах государства всеобщего благосостояния. Предисловие переводчика	10
--	----

Предисловие	25
-----------------------	----

Благодарности	39
-------------------------	----

Введение	42
--------------------	----

Краткое содержание книги	52
------------------------------------	----

Часть I. Социальный и пространственный контекст

Глава 1. Депрессивные города и неформальность	60
---	----

Почему необходимо изучать депрессивные города?	64
--	----

Политика и планирование в условиях упадка городов	67
---	----

Неформальность и городская недвижимость	72
---	----

Глава 2. Регуляторная политика и правоприменение	90
--	----

Пустующие и заброшенные помещения	92
---	----

Рынок недвижимости и экономические условия	98
--	----

Муниципалитет: нехватка ресурсов и перегруженность обязательствами	104
---	-----

Сокращение правоприменения в сфере недвижимости	109
---	-----

Избирательное правоприменение	114
---	-----

Связывая регулирование, правоприменение и неформальность	119
--	-----

Глава 3. От незаконного к неформальному	122
---	-----

Нарушение связи между собственностью и заботой	124
--	-----

Легитимное нарушение имущественного законодательства	128
--	-----

Этос заботы: как оцениваются неформальные права на недвижимость	130
--	-----

Неформальное пользование	134
------------------------------------	-----

Неформальный демонтаж	138
---------------------------------	-----

Контекстуализация этоса заботы	144
Неформальное право на город	149

Часть II. Неформальность в повседневной жизни

Глава 4. По ту сторону политики или бедности	156
Типология присвоения	164
Типологии в повседневной жизни	172
Глава 5. Присвоение из необходимости.	177
Ти Джей.	179
Дианджелло	183
Лесли	186
Марси.	191
Рианнон	194
Джеки и Джо	196
Грант	199
Бонд	204
Глава 6. Присвоение как образ жизни	213
Оливер и Кевин	214
Аллен	219
Джон и Роб	224
Сара и Мэтью.	229
Ферн и Рита	232
Нокс	237
Уильям	240
Глава 7. Рутинное присвоение	246
Чак	248
Скотт	251
Максин	253
Другие примеры самовольного проживания после изъятия недвижимости	255
Диди	259
Джером	263
Художественный блоттинг	269

Часть III. Неформальные планы и официальная политика

Глава 8. Две стратегии горожан: выживание или обустройство?	276
Использование нарративного анализа для понимания неформальности	278
Новоприбывшие: обустройство в городе	282
<i>Возможности, возникающие из упадка:</i> <i>Детройт как урбанистическое пограничье</i>	284
<i>Трансформация города в представлении новых жителей</i>	289
Старожилы: выживание в городе	298
<i>Реакция на упадок: как выжить в Детройте</i>	300
<i>Выход за рамки присвоения</i>	305
Конфликтующие городские идеалы	315
Детройтцы рассказывают, куда двигаться городу	321
Глава 9. Регулирование неформальности и воспроизводство неравенства	327
Формализация неформальности	331
Муниципальный контекст	334
<i>Стратегический рамочный план для Детройта</i>	335
<i>Рабочая группа по ликвидации ветхих зданий</i>	336
<i>Администрация земельного банка Детройта</i>	337
Новая регуляторная схема для недвижимости Детройта	338
Содействие и расширение: кооптирующая формализация	340
<i>«Разыскиваются соседи»: новый аукцион недвижимости</i> <i>Администрации земельного банка Детройта</i>	341
<i>Озеленение Детройта: новое постановление</i> <i>о городском сельском хозяйстве</i>	345
<i>Секонд-хенд по-детройтски</i>	349
Криминализация и ликвидация: репрессивная формализация	353
<i>Новый закон против несанкционированного</i> <i>сбора металлолома</i>	354
<i>Новый закон против самозахватов</i>	356
<i>Снос ветхих зданий</i>	359
Формализация и воспроизводство неравенства в Детройте	364

Эпилог. Уроки неформальности в странах Глобального Севера	370
Управление неформальностью	373
Стандартизация при помощи предоставления прав собственности на землю	375
Стандартизация при помощи благоустройства	376
Стратегии предоставления прав собственности и благоустройства в Детройте	377
На пути к прогрессивной программе регулирования для Детройта	383
Стандартизация при помощи нормативных исключений	383
Стандартизация при помощи поэтапной формализации	385
Стандартизация за счет расширения прав собственности	388
Неформальность собственности на фоне роста неравенства в США	393
Приложение. Методы и данные исследования.	407
Библиография	416
Источники, переведенные на русский язык	416
Опубликованные источники	416
Интервью	430
Беседы в ходе полевой работы	431
Указатель имен и географических названий	432

Посвящается моей семье и отдельно моему МБ

Почти художественная самодеятельность на руинах государства всеобщего благосостояния. Предисловие переводчика

Центральная тема «Детройтской истории»¹ американского социолога Клэр Херберт — неформальность собственности — вне всякого сомнения, имеет все шансы стать одной из важнейших для социальных и гуманитарных наук XXI века. Поле неформальности как сложного комплекса отношений, пронизывающих современную общественную, экономическую и политическую реальность в обход — или вместо — правил и норм, устанавливаемых государством и его институтами, неизбежно расширяется по мере того, как все дальше в прошлое уходит такой феномен XX столетия, как государство всеобщего благосостояния (welfare state). Неформальность, если использовать меткую формулировку философа Василия Розанова, возникает в ситуациях, «когда начальство ушло», оставив людей один на один с их самыми насущными, экзистенциальными задачами — выживанием и самоопределением. Решение их неформальными способами, как показывает Клэр Херберт на примере разнообразных практик присвоения собственности, брошенной ее владельцами на произвол судьбы, может быть вполне творческим и даже раскрывающим для человека его подлинное «я». Благо Детройт — один из самых известных в мире «городов-призраков», павший жертвой деиндустриализации, которая сопровождала гибель государства всеобщего благосостояния, — дает для изучения этих процессов превосходный материал, к которому еще долго будут обращаться

¹ Название книги отсылает к названию мюзикла 1957 года «Вестсайдская история», который является экранизацией «Ромео и Джульетты» Уильяма Шекспира и в котором сталкиваются две уличные банды на Манхэттене. — *Примеч. ред.*

социологи, урбанисты, экономисты, правоведы и другие исследователи и в США, и далеко за их пределами. Несмотря на всю во многом уникальную специфику зависимости от пройденного пути, Детройт может рассматриваться как некая точка отсчета для изучения неформальности в других контекстах — включая постсоветский. В этом, безусловно, состоит главное достоинство книги Клэр Херберт для читателей, которые никогда не были (и, возможно, не побывают) в Детройте, но наверняка опознают в его реалиях нечто знакомое — собственный опыт встреч с неформальностью, а может быть, даже участия в ней.

Для начала, как полагается, несколько слов об авторе. Клэр Херберт выросла и получила образование социолога в штате Орегон на западном побережье США — в совершенно иной реальности в сравнении с Детройтом. Достаточно упомянуть лишь о том, что Портленд, крупнейший город Орегона, где Клэр училась в университете на рубеже 2000-х и 2010-х годов, в те времена считался одним из самых благоустроенных, безопасных, зеленых и прогрессивных американских городов, полностью соответствующим тому содержанию, которое мы вкладываем в расхожую формулировку «город для жизни». С этой точки зрения решение исследовательницы написать докторскую диссертацию на материале Детройта, перебравшись туда на несколько лет, выглядело как минимум смелой авантюрой, тем более что в тот момент Детройт переживал, вероятно, худшие времена в своей истории: в 2013 году город был объявлен банкротом, накопив долги порядка 20 млрд долларов. Плюс, несомненно, разительные климатические отличия. После Орегона с его средиземноморской атмосферой переезд в Детройт, славящийся суровыми зимами, для исследовательницы и ее семьи наверняка был большим испытанием, а заодно и знакомством с экстремальным опытом других людей: в книге Херберт можно найти немало зарисовок о том, как детройтцам, вынужденным жить на птичьих правах в чужих домах, приходится переживать холода. Однако в результате выбор места для исследования по городской социологии, основанного на включенном наблюдении, оказался беспроигрышным: детройтский

материал как будто ждал такого вдумчивого и академичного, но в то же время эмоционального и обладающего прекрасным чувством юмора ученого, как Клэр Херберт.

Один из отправных тезисов «Детройтской истории» заключается в том, что феномен неформальности в современном мире больше невозможно ограничивать странами, которые объединяются условным понятием «Глобальный Юг», где причины широкого распространения неформальных отношений собственности и, шире, неформальной экономики лежат на поверхности: слабость государственных институтов, бедность основной массы населения, низкий уровень правосознания и т. д. Действительно, нет ничего удивительного в том, что исследования неформальности начинались именно в этой части планеты — в качестве хорошо известного российской академической аудитории примера можно привести работы перуанского экономиста Эрнандо де Сото. В то же время, констатирует Херберт, ученые нередко не обращали внимания на неформальность в странах Глобального Севера во главе с США, исходя из того, что здесь давно обеспечено верховенство закона, сложилась совершенно иная правовая культура, успешно функционируют регулируемые рынки, прежде всего недвижимости, и многих других схожих доводов.

Между тем, если взглянуть на проблему именно сквозь призму краха государства всеобщего благосостояния, окажется, что и в том и в другом случае распространение неформальности стало прямым следствием этого процесса. С той лишь разницей, что в странах Глобального Севера этот тип государства во второй половине XX века был вполне ощущаемой большинством граждан реальностью, тогда как для Глобального Юга он выступал либо декларируемой властями идеологией, либо потерпевшей провал стратегией догоняющей модернизации. Последняя принимала разные формы — от советского «развитого социализма» с его специфической «социалистической законностью» до многочисленных «диктатур развития», — однако в части развития городов большинство подобных режимов ориентировалось на доктрины высокого модернизма в духе Ле Корбюзье, неразрывно связанные

с идеологией социального государства. Впрочем, итог оказался примерно одним и тем же: после того как государство в эпоху торжества неолиберализма, начавшуюся в конце 1970-х годов, стало сворачивать свои социальные обязательства и гарантии, граждане и Глобального Севера, и Глобального Юга оказались в ситуации, когда им приходилось обустривать свою жизнь самостоятельно, не рассчитывая на чью-либо помощь. Там, где «налет» социального государства был тонким, неформальность быстро возобладавала в совершенно зримых формах, тогда как в странах, где многие институты welfare state сохранялись и пытались выживать, этот процесс был не столь наглядным, но так или иначе нарастал, особенно ярко проявляясь в таких «зонах концентрированного неблагополучия», как Детройт¹.

Для понимания теоретического анализа неформальных отношений собственности, который предпринимает Клэр Херберт, необходимо вспомнить кое-какие постулаты классической политической экономии, а именно понятие рикардианской ренты, или ренты редкости. Как убедительно продемонстрировали английские экономисты XIX века во главе с Давидом Рикардо, цена товаров, прежде всего земли, определяется таким ключевым фактором,

¹ В качестве любопытной параллели между практиками неформальных отношений собственности Глобального Севера и Глобального Юга можно привести упоминаемые Клэр Херберт методы решения «квартирного вопроса» в густонаселенном Лос-Анджелесе, где, например, частные дома делятся на отдельные квартиры, а также активно сооружаются несанкционированные пристройки. Подобная практика удешевления стоимости жилья не так давно массово использовалась в городах на юге России, где застройщики возводили на участках, предназначенных под индивидуальное строительство, многоквартирные дома, после чего квартиры в них выделялись покупателям в качестве долевой собственности, которая нередко узаконивалась через суд — со всеми сопутствующими рисками. Кроме того, Херберт упоминает так называемые колонии — специфическую разновидность дешевого жилья в Техасе с минимальным обеспечением инженерной инфраструктурой. Подобные «вороньи слободки» также весьма характерны для южных регионов России (характерный пример — печально известный поселок «Музыкальный» в Краснодаре), где самострой давно превратился в эндемичную особенность городской среды, подпитываемую стремлением местного начальства отчитываться перед вышестоящими властями об успехах в обеспечении населения «доступным жильем».

как их редкость, — как говорил по этому поводу, кажется, Марк Твен: вкладывайте в землю, ее больше не производят. В быстро-растущих процветающих городах земля и недвижимость действительно являются самым ценным активом, поскольку желающих жить в таких городах больше, чем они способны в себя вместить. В результате высокая и постоянно увеличивающаяся стоимость недвижимого имущества выступает естественным ограничителем роста и критерием, задающим стоимость «входного билета».

Но как быть, если перед нами депрессивный город, из которого уезжает население (численность жителей Детройта с 1950 по 2020 год сократилась втрое — с 1,85 млн до 640 тысяч человек), а экономический потенциал оказывается гораздо меньше, чем его территория? В таких городах появляются большие площади неиспользуемых земель и брошенные здания — в конечном итоге принцип редкости перестает работать, и «нормальный» рынок недвижимости терпит крах: желающих что-то купить гораздо меньше, чем потенциальный объем предложения. Стремительное обесценивание недвижимости в городах, которые еще несколько десятилетий назад считались символами американской экономической мощи, безусловно, выступает одним из характерных симптомов того, что крупнейший современный городской социолог Дэвид Харви назвал «гибким накоплением» капитала, пришедшим на смену фордизму, важнейшим символом которого был Детройт, и ознаменовавшим переход к «состоянию постмодерна»¹.

В американских реалиях, возникших после того, как крупные корпорации — в случае Детройта автопромышленные концерны — стали выносить свои производства в азиатские страны, столкнувшись с резким ростом стоимости энергоносителей после нефтяного кризиса 1973 года, все это привело к появлению

¹ См.: Харви Д. Состояние постмодерна. Исследование истоков культурных изменений. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. Любопытно, что Херберт не цитирует в своей книге ни одной работы этого автора, хотя «Детройтская история», несомненно, продолжает многие темы критической урбанистики в духе Харви.

печально известного Ржавого пояса—депрессивных городов Среднего Запада, столкнувшихся с резким падением численности населения, хроническим кризисом в экономике, ростом преступности и т.д. Одно из наиболее очевидных решений проблемы, предложенных урбанистами, заключалось в том, чтобы привести размеры таких городов к «естественному» размеру, то есть сделать город более компактным, переселив жителей из наиболее запущенных районов поближе к центрам экономической активности, а расселенные территории отключить от муниципальных услуг и превратить в зеленые зоны. Но, как показывает Херберт, этот рецепт не просто не сработал—он еще и постоянно порождал конфликты, поскольку далеко не все горожане были в восторге от этих «благих намерений государства», используя формулировку Джеймса Скотта, еще одного выдающегося исследователя неформальности.

Между тем депрессивный городской ландшафт, нередко напоминая картины постапокалипсиса, сам собой активно порождал новые отношения в имущественной сфере, которые либо вообще никак не регулировались государством, либо различные правовые нормы и режимы применялись весьма избирательно. Правда, в американских реалиях, в отличие от России, где избирательное правоприменение, как правило, имеет политическую и/или коррупционную природу, это было по большей части связано с бюджетными ограничениями. Бывшие промышленные центры, столкнувшись с постоянно сужающейся налогооблагаемой базой, попросту не могли позволить себе такую «роскошь», как исполнение законов и следование регуляторной политике в полном объеме. Вот прекрасный отрывок из книги Херберт, демонстрирующий практические механизмы такого правоприменения. Один из респондентов исследовательницы, детройтский пожарный, рассказывает о том, какой будет реакция полиции, если его коллеги станут действовать в строгом соответствии с законом и позвонят в полицию, увидев, что в давно заброшенный дом забрались какие-то люди и выносят оттуда никому не нужные вещи:

—Алло, это департамент полиции? Пятая бригада пожарных на линии... У нас тут один сборщик металлолома. Он выгребает все из дома и складывает в чертову тележку из супермаркета... Не могли бы вы прислать патрульного?

—Пятая бригада, все патрульные в настоящий момент заняты... Есть ли опасность для граждан в этом районе?

—Эээ, ну, граждане тут сидят рядом, курят и пьют пиво вместе с [человеком, собирающим металлолом]... Опасности нет.

—Пятая бригада, будьте добры, не беспокойте нас на хрен по рации без нормального повода.

Из других эпизодов, описанных в книге, мы узнаем, что у детройтской полиции, оказывается, не всегда было горючее для заправки патрульных машин, что городские власти из-за отсутствия средств пользовались допотопными методами учета недвижимости по типу перфокарт, что некоторые чиновники чуть ли не поощряли самозахваты домов и земли, лишь бы они не стояли без дела, что легально купить многие объекты у города было практически невозможно и т. д. Именно в этой ситуации институциональных руин, возникших на вполне материальных руинах американского Автограда (MotorCity), начинал работать принцип «свято место пусто не бывает». Жители, которые по тем или иным причинам не собирались уезжать из Детройта, предъявляли на брошенную недвижимость собственные права: самовольно вселялись в дома, использовали пустующие участки под огороды, разбирали на металлолом каркасы промышленных зданий, а кое-кто даже устраивал в «заброшках» художественные перформансы. Для многих такое обращение с бесхозной недвижимостью было просто вопросом выживания, поскольку найти легальный заработок в городе становилось все сложнее—эту группу Клэр Херберт относит к категории «присвоение из необходимости»,—другие же включались в процесс постепенно, без намеренной стратегии—в данном случае Херберт говорит о «рутинном присвоении». Наконец, со временем появились люди—в основном молодежь, не нашедшая своего места в корпоративной Америке и не видевшая

привлекательности в стандартной консюмеристской «американской мечте», — которые приезжали в Детройт, восприняв его разруху и пустующую бесплатную недвижимость как возможность построить свою жизнь с нуля. Это «присвоение как образ жизни», безусловно, один из самых интересных феноменов, описанных в книге, к которому мы вернемся чуть ниже.

Важнейший концептуальный момент, который Херберт обнаруживает в различных типах присвоения чужой собственности, лежит в плоскости правоведения — дисциплины, к которой социологи обращаются не так уж часто. Он заключается в превращении формально *незаконного (нелегального)* деяния в нечто *легитимное*, поскольку акторы неформального присвоения реализуют, так сказать, явочным порядком свои неотъемлемые права, в первую очередь на жилье. В Детройте, отмечает Херберт, многие разновидности такого присвоения обрели легитимность «в значительной степени благодаря тому положительному воздействию, которое они оказывают на отдельных жителей, динамику местных сообществ и застройку неблагополучных районов».

Для наглядности представим типичную для Детройта ситуацию. В каком-нибудь некогда полностью заселенном квартале осталось всего несколько семей, основная масса домов брошена и постепенно разваливается. Денег на снос ветхих построек у города нет, одни из них превращаются в наркопритоны, другие представляют опасность для жителей (дети, забирающиеся поиграть в «заброшку», могут легко получить травмы), третьи постепенно демонтируются сборщиками металлолома или просто поджигаются. В этих условиях появление самовольных жильцов, у которых, скорее всего, попросту нет других возможностей решения «квартирного вопроса», выглядит как минимум наименьшим злом, и вряд ли кто-то предъявит таким людям обвинение в незаконном завладении чужим имуществом, хозяева которого сами его бросили и покинули город. С большой вероятностью эти самовольные жильцы приведут дом в порядок, вряд ли станут заниматься там чем-то совсем уж криминальным, а затем, возможно, еще и выкупят объект в собственность на городском

аукционе. Именно так неформальность наделяет легитимностью формально незаконные практики — в том, что человек имеет право на крышу над головой и может реализовать его даже такими неправовыми способами, едва ли усомнится, наверное, даже самый закоренелый неолиберал¹.

В случае США это естественное право убедительно подкрепляется историческими особенностями страны, которую создавали колонисты-поселенцы. Как показано в книге Клэр Херберт, многие жители Детройта, осознанно занимающиеся присвоением недвижимости — прежде всего те, для кого это стало образом жизни, — по-прежнему уверенно апеллируют к такому важнейшему документу американского права, как Гомстед-акт (Homestead Act) 1862 года. Этот закон, принятый в разгар Гражданской войны по инициативе президента Авраама Линкольна, признавал права собственности на земли, де-факто samozахваченные поселенцами, при условии, что на них будет вестись хозяйство и появится жилье (наиболее близкое по смыслу к американскому термину *homestead* русское слово — это «усадебка»). В XVIII веке британская администрация североамериканских колоний препятствовала освоению территорий к западу от Аппалачских гор, но после того, как США обрели независимость, этот процесс резко ускорился, и перед колонистами открылась бескрайняя *terra nullius* — «ничья земля» (права на нее коренного

¹ Впрочем, такая самостоятельная реализация неотъемлемых прав человека и гражданина может принимать и совершенно гротескные формы — здесь можно еще раз обратиться к практикам избирательного правоприменения. Автор этого предисловия слышал о такой истории, случившейся в одном российском курортном городе с дефицитом земли под застройку. Один очень уважаемый местный житель решил стать девелопером и выбрал для своего проекта участок земли, строить на котором что-либо было категорически запрещено — кажется, детскую площадку. После того как через некоторое время на участке появился многоквартирный дом, возмущенная администрация города обратилась в местный суд и без особых усилий добилась решения в свою пользу — признать постройку самовольной и снести за счет того, кто ее построил (ст. 222 Гражданского кодекса РФ). Однако лицо не растерялось и обратилось в вышестоящий суд, заявив, что только так могло реализовать свои конституционные права на жилье, — как утверждал рассказчик этого анекдота, довод был принят, решение первой инстанции отменено.

населения во внимание, разумеется, не принимались). Именно так со временем стала восприниматься и территория Детройта после того, как в городе из-за деиндустриализации и оттока населения появилось огромное количество неиспользуемых зданий и земли. Многие из тех, кто приехал в Детройт и обосновался в пустующих домах, считали себя новыми пионерами, городскими первопроходцами — весьма примечательный сюжет о том, как сегодня работает историческая память в эталонной стране переселенческого капитализма.

Разумеется, Херберт не обходит стороной вопрос о том, как эти практики новых жителей Детройта, для которых присвоение собственности выступает чем-то вроде творческой самореализации, таким многоуровневым квестом, воспринимаются городскими старожилами, занимавшимися захватом чужой недвижимости преимущественно не от хорошей жизни. Без критического отношения к «понаехавшим» хипстерам предсказуемо не обошлось, однако все три ключевые группы «апроприаторов» — людей, занимающихся присвоением собственности, — объединяет, по мнению автора, общий «этос заботы», то есть такая установка по отношению к чужому имуществу, которая демонстрирует уважительное отношение к окружающим и стремление сделать городскую среду хоть немного лучше. Херберт уточняет, что она намеренно оставила за рамками исследования неприкрыто криминальные практики, но в целом для детройтцев, участвующих в неформальном использовании собственности, характерно именно понимание того, что они несут ответственность за свой город, в каком бы ужасном состоянии он ни находился, раз уж власти неспособны выполнять свои обязательства перед жителями хотя бы на минимальном уровне. Ведь иначе, как выразилась одна из собеседниц автора, «кому приятно смотреть на всю эту хрень?».

Сама исследовательница заняла для погружения в этот непростой материал, вероятно, идеальную позицию, которая сама собой совпала с «этосом заботы»: на несколько лет полевой работы Херберт вместе с ее партнером купили в Детройте дом, и это сразу же резко повысило социальный капитал гости из солнечного

Орегона в глазах старожилов. Собеседники из коренных детройтцев, отмечает Херберт,

часто говорили, как их достало, что их изучают понаехавшие белые исследователи... Полагаю, что ряд жителей воспринимали меня иначе, чем других наезжавших сюда белых исследователей, с которыми они общались... благодаря ребенку за спиной... и наличию собственного жилья в этом городе. Тот факт, что у меня был здесь свой дом, сигнализировал о наличии интересов, укорененности и внимания к городу.

Наконец, еще один немаловажный момент: Херберт не то чтобы развенчивает, но ставит под сомнение хорошо известное представление о Детройте как о насквозь криминализованном месте (для соответствующей картинки посмотрите фильм «Девятая миля» о детстве репера Эминема). По ее утверждению, за несколько лет жизни в этом городе она действительно была свидетельницей криминальных сцен, но ни разу не становилась жертвой преступников. Более того, почти во всех описаниях героев ее интервью — а порой это, на первый взгляд, малоприятные, а то и сомнительные личности — ощущается глубокая симпатия к людям, которые либо не по доброй воле выбрали свой жизненный путь, либо сознательно пошли навстречу трудностям. Предприняв научную экспедицию почти через всю страну, Херберт в самом деле «открыла Америку»: встреча с жителями Среднего Запада оставила у нее особое впечатление от этих людей, которым исследовательница приносит главные благодарности в своей книге¹. В этом смысле работа Херберт стоит в одном ряду с исследованиями других социологов

¹ Автор этого предисловия получил схожие впечатления благодаря регулярным визитам в качестве журналиста в столицу Дагестана Махачкалу, где точно так же процветают различные практики неформального использования собственности, хотя и в большей степени характерные для Глобального Юга. Одним из ключевых моментов в сломе стереотипов о Дагестане было осознание того, что в Махачкале практически отсутствовала уличная преступность (по состоянию на 2012–2019 годы), несмотря на то что значительная часть населения города принадлежит к субпролетариату, или прекариату, — социальной группе, предположительно, являющейся хорошей питательной средой для криминала.

и антропологов, которые провели значительную часть собственной жизни в окружении сообществ, в принципе далеких от уютного академического мира¹.

Оценку эффективности рекомендаций по обращению с неформальностью, которые Херберт дает властям в конце книги, наверное, стоит оставить тем, кто непосредственно знаком с детройтскими реалиями, поэтому остановлюсь на одном более общем наблюдении автора, появляющемся на заключительных страницах. Вернувшись после завершения исследования в свой родной Орегон, Херберт обнаружила, что за время ее отсутствия неформальность расцвела пышным цветом и здесь: «Совершив двухчасовую поездку из Юджина на север, в Портленд, я была поражена все большим количеством небольших палаточных лагерей (на две-три палатки), разбросанных по всему городу. Как и многие другие города тихоокеанского побережья США, Портленд испытывает нарастающие проблемы с доступностью жилья». Вывод, который делает исследовательница, напоминает о том определении, которое дал прекариату запустивший этот термин в активный оборот социолог Гай Стэндинг — «новый опасный класс»²:

Неформальность, движимая жизненной необходимостью, связана с нарастанием экономического неравенства и прекарности в Соединенных Штатах и других странах Глобального Севера, и это же обстоятельство позволяет предположить, что к неформальным практикам могут обратиться и представители среднего класса, испытывающие все большие экономические затруднения. В отличие от своих родителей поколение миллениалов располагает меньшими

¹ В контексте исследований неформальности, помимо хорошо известных работ Джеймса Скотта о крестьянах Юго-Восточной Азии, можно упомянуть турецко-американского социолога Джихана Тугала (ныне профессор Калифорнийского университета в Беркли), который в начале своей карьеры работал школьным учителем в «вороньей слободке» на окраине Стамбула и описал этот опыт в ряде исследований. См., например: *Tuğal C. «Serbest meslek sahibi»: Neoliberal subjectivity among İstanbul's popular sectors // New Perspectives on Turkey. 2012. № 46. P. 65–93.*

² См. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ad Marginem, 2014.

экономическими возможностями, несет высокие расходы на образование и жилье и, как правило, сталкивается с не столь радужными условиями жизни, чем те, в которых прошло их детство. Как следствие, все больше разочарованных молодых людей, вероятно, будут отказываться от традиционных идеальных представлений о жизни, присущих среднему классу, и в поисках собственного пути сделают ставку на неформальность.

Херберт скептически относится к звучащей у некоторых ее коллег мысли о том, что неформальность является формой социального протеста, однако рассматривать этот феномен в контексте анти-элитных настроений, охвативших США (как, впрочем, и многие другие части Глобального Севера и Глобального Юга), вполне уместно. Одна из ключевых тем в собранных Херберт высказываниях детройтцев, которая то прорывается явно, то звучит в подтексте, — принципиальное отчуждение от государства, которое только мешает людям жить так, как они хотят. В этом смысле Детройт — по крайней мере на тот момент, когда проводилось исследование Херберт, — был неожиданно открывшимся фронтиром в мире, где все актуальнее звучит вопрос, поставленный в одной из последних работ Бруно Латура и обращенный ко всем жителям планеты: где приземлиться?¹ В реалиях США он тем более настоятелен в свете последних трендов американской жизни — от миграционного кризиса до получившего массовый характер движения NIMBY (Not in my backyard, «Только не на моем заднем дворе»), фактически блокирующего строительство доступного жилья во многих городах. Репертуар будущих исследований, заданный «Детройтской историей», чрезвычайно широк и явно не ограничивается американской проблематикой, так что книга наверняка будет с интересом прочитана всеми, кто интересуется тем, куда движутся современные города и как изменяется их облик под воздействием нарастающего социального неравенства.

¹ См.: Латур Б. Где приземлиться? Опыт политической ориентации. СПб.: ЕУСПб, 2019.

* * *

Несколько слов о стратегии перевода.

Выдержки из интервью с респондентами автора, преимущественно чернокожими (доля этой группы в населении Детройта превышает три четверти), насыщены специфическим сленгом, который приходилось переводить близкими по смыслу выражениями и идиомами «уличной» версии русского языка. В этом неоценимую помощь переводчику оказали воспоминания студенческих лет, проведенных на окраинах Ростова-на-Дону неподалеку от легендарного завода «Ростсельмаш».

Однако основная сложность при переводе книги заключалась в большом количестве терминов, описывающих разные практики неформального использования недвижимости, наподобие squatting (самовольное поселение), scrapping (сбор различного утиля, прежде всего металлолома, на продажу), salvaging (вынос имущества из брошенных домов для последующего использования), homesteading (в контексте «Детройтской истории»: использование чужой недвижимости для постоянного проживания) и т.д. В английском тексте такие термины воспринимаются вполне органично, но при сохранении в первоизданном виде в русской версии они практически наверняка создали бы впечатление «макаронической речи». Перенаселять и без того сложный академический текст сквоттерами, скрэпперами, салваджерами и гомстеддерами категорически не хотелось, поэтому было принято решение переводить подобные термины описательно с подробными комментариями при необходимости.

К тому же в русском языке некоторые из этих терминов уже давно живут своей жизнью. Например, уже упоминавшийся Homestead Act 1862 года в русской транслитерации в соответствии с существовавшими тогда, в середине XIX века, правилами до сих пор именуется Гомстед-актом¹. Чуть позже, в начале XX века, в русский язык проникли и «скваттеры» (squatters), которых

¹ Из той же серии — совершенно гротескная по нынешним стандартам, но по-прежнему употребляемая транслитерация термина *homerule*, то есть самоуправление, за которое боролись ирландские республиканцы, как «гомруль».

«Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» А. Н. Чудинова (1910) определял как «колонистов, поселяющихся на свободных участках земли в Западной Америке». Между тем в современном русском языке людей, самовольно захватывающих чужую недвижимость, именуют несколько иначе — сквоттерами, а их места обитания — сквотами. Правда, чаще всего эти слова используются применительно к богеме глобальных городов типа Нью-Йорка или Берлина, для которой сквоттинг — это действительно стиль жизни, — а не к субпролетариям американского Ржавого пояса. Одним словом, во избежание этих коннотаций было решено максимально избегать автоматического переноса английских терминов — надеюсь, каждый читатель сможет оценить, насколько успешным оказался этот подход.

Предисловие

Фредерик Уильямс
Не думаю, что они знают

*Не думаю, что они знают, кто мы.
Они не знают,*

Что я торчок, детка,
Яблоко от яблони.

Не думаю, что они знают,

Как меня обрабатывали наркодельцы,
Как полиция вломилась к нам в дом
И меня положили лицом на пол,
Как в семь лет мне сказали не моргать и не вздрагивать,
Когда я видел, как кого-то убивают.
Меня бы убили,
Если бы я наступал.
Когда я шел в школу, моя одежда воняла,
На ней были дыры, которые надо было зашить,
Или швы,
Потому что родителям было наплевать.
Ты подсел, и больше не можешь решать за себя, как раньше.

Не думаю, что они знают об этом.

Но мы-то знаем, откуда эти наркотики,
Откуда это оружие,
Откуда эти тюрьмы.

*Не думаю, что они знают, кто мы.
Они не знают.*

Этот чел носит «пушку»
Чаще, чем держит на руках сына,
Потому что там, где я родился, людей хоронят каждый день.
Мы затаили обиду, ведь судьи хотят лишь
Выселять нас,
Обвинять нас,
Ограничивать нас.

Они не знают,

Каково это,
Когда на тебя смотрят, как будто ты собрался украсть
Или убить,
Или и то и другое.
Они не знают, каково это — быть черным.
Быть черным — значит быть жестким.
Но порой быть черным так сложно, что я хотел бы им больше не быть.
Быть черным — значит быть
Несвободным.
Но быть черным — это
Быть собой.
Я ношу худи, потому что я крут,
Когда мне холодно и
Когда мне жарко,
Но это не значит, что меня надо убить.

*Не думаю, что они знают, кто мы.
Они не знают.*

Корень нашей агрессии — расовое угнетение.
Да, я защищаюсь.

*Не думаю, что они это понимают.
Они парализуют*

Нас государственной помощью.
Без электричества для всех не будет власти черных¹.

Они принимают законы в Конгрессе,
Из-за которых мы не можем оплачивать счета.
Держитесь.
Они навязывают нам нормы, которые сами не могут соблюдать.
Эта политика загоняет нас в нищету,
Лишает нас домов.
Весь этот ужас — заключенные дома и брошенные школы —
Вот суровая реальность для наших детей.
Мой район — это кладбище.

¹ Власть черных (Black Power) — лозунг, выдвинутый радикальными представителями движения за гражданские права в США в 1960-х годах, несогласными с интеграционистской тактикой более умеренных активистов, таких как Мартин Лютер Кинг. — *Примеч. пер.*

А мне еще надо отметить «черный февраль»¹.

*Не думаю, что они знают, кто мы.
Они не знают [Williams 2018].*

В 2013 году, когда я занималась исследованием неформального использования собственности в Детройте, мне довелось пообщаться с одним местным жителем, пожарным по имени Крейг. Приведу его слова из нашего тогдашнего разговора: «Мы живем в интересном городе. Если нам удастся справиться с этой бурей, то все будет в порядке— вот увидите через десять лет...» С того момента, как я впервые побывала в Детройте в 2008 году, он, безусловно, сильно изменился, и многие жители, участвовавшие в моем исследовании, смотрели на перспективы своего города с оптимизмом. Период проведения этого исследования—с 2011 по 2016 год—оказался удачным. За то время, что я провела в Детройте вместе с моим партнером, мы стали свидетелями множества неожиданных, но существенных изменений, которые, оглядываясь назад, можно назвать поворотным моментом для города. Детройт пережил банкротство, назначение внешнего управления и избрание первого за четыре десятилетия белого мэра, в центр и примыкающий к нему Мидтаун пришли крупные частные инвестиции, предпринятые тремя белыми миллиардерами, а численность белого населения Детройта увеличилась впервые за 64 года [Aguilar and MacDonald 2015]. Когда мы здесь поселились, местные жители говорили, что город достиг дна, а когда мы уезжали, СМИ принялись превозносить «возрождение» Детройта. Я не планировала посвятить свое исследование джентрификации, однако более масштабный контекст

¹ Еще в конце XIX века чернокожее население США стало ежегодно отмечать в феврале дни рождения президента Авраама Линкольна, отменившего рабство, и abolitionиста Фредерика Дугласа; в 1926 году чернокожий историк и журналист Картер Вудсон учредил февральскую Неделю негритянской истории, а с 1976 года февраль в США имеет статус «Месяца черной истории», когда по всей стране проводятся памятные мероприятия, посвященные борьбе с рабством, расизмом и т. д.—Примеч. пер.

изменений в Детройте раскрывал их значимость по ходу дела. А заодно это означало, что в структурном смысле мы сами, вероятно, выступили агентами джентрификации—хотя, как и большинство жителей Детройта, не намеревались ими *быть* (см. [Schlichtman and Patch 2014]). Это предисловие я хотела бы посвятить рефлексии над собственным опытом жизни в Детройте и получением знаний об этом городе. Автором стихотворения, которое приведено выше, является мой дорогой друг, ныне находящийся в тюрьме художник Фред Уильямс: он родился и вырос в Детройте, а затем, еще будучи несовершеннолетним, был по ошибке приговорен к пожизненному заключению¹. Это стихотворение напоминает мне о том, как много мы—те, кто прибыл в Детройт из других мест, или новые его жители—не знаем о жизни в определенных районах этого города и насколько многому можно научиться от других людей, если мы сами готовы слушать и узнавать новое.

В декабре 2011 года я и мой партнер—два белых аспиранта, прибывших в Детройт с Тихоокеанского побережья,—сняли домик в Хамтрамке (штат Мичиган). Этот небольшой муниципалитет площадью в две квадратные мили находится примерно в четырех милях от центра Детройта и окружен его территорией со всех сторон. К нашему удивлению, оказалось, что арендовать жилье в районах, прилегающих к центру Детройта, нам не по карману—хотя именно там мы и рассчитывали обосноваться. Я с пренебрежением отношусь к вождению машины и всему, что связано с автомобилем, и в Детройте этот момент доставлял мне сложности. Хамтрамк оказался единственным районом, удобным для перемещения пешком, где мы могли позволить себе

¹ 17-летний житель Детройта Фред Уильямс в 2001 году был задержан полицейскими в продуктовом магазине и обвинен в убийстве женщины, найденной в сожженном доме; в основание приговора легли его признательные показания, подписанные в полицейском участке, хотя на суде Уильямс утверждал, что на тот момент был неграмотным. Отбывая приговор в тюрьме города Карсон-Сити (штат Мичиган), Уильямс стал поэтом и общественным активистом.—*Примеч. пер.*

поселиться с расчетом на предстоящее появление ребенка. Исходя из того, что мы проведем в Детройте еще как минимум несколько лет, мы решили купить здесь дом. При этом мы присматривались к таким вариантам, которые были достаточно дешевы, чтобы мы все равно смогли сэкономить на арендной плате, даже если бы от этого дома пришлось отказаться. Чуть меньше, чем через полтора года, когда нашей дочери был уже год, мы приобрели дом в относительно приличном квартале в районе, который обычно именовался Пиети-Хилл [Набожный холм], поскольку поблизости находилось несколько знаменитых старых церквей. На городских картах, сообщил мне один специалист по градостроительству, наш квартал не относился к какому-то конкретному району¹, а в обиходе именовался по-разному. Например, формулировка «чуть южнее Бостон-Эдисон» предназначалась для тех, кто хотел ощущать связь квартала с историческими районами, застроенными приходящими в упадок особняками: некогда эти места славились тем, что здесь жили Генри Форд и легендарный бейсболист Тай Кобб. Формулировка «Норт-Энд» была предназначена для тех, кто не связывал это место с привилегированным статусом и хотел примкнуть к усилиям по организации сельского хозяйства посреди большого города. А для тех, кто рассчитывал извлечь выгоду из проблесков джентрификации в этом районе, существовала формулировка «Рядом с новым центром».

Нам требовалось, чтобы дом был сразу пригоден для жизни, поскольку для серьезного ремонта у нас не было ни времени, ни ресурсов (правда, наши представления о «пригодности для жизни» были довольно скромными). Дом, который мы в итоге купили, когда-то был самовольно занят, затем отремонтирован, и на протяжении 15 лет там жила одна белая семья. Затем дом был выставлен на продажу из-за потери права выкупа закладной— нам удалось купить его за сумму, составлявшую всего 43% стоимости просроченной ипотеки. Предыдущим владельцам так нравился этот район, что они нашли новое жилье в квартале от

¹ Интервью автора с жительницей Детройта Джейн, 10 сентября 2014 года.

прежнего, и мы с ними как следует познакомились. Именно так мы получили о нашем доме информацию, которую вряд ли смогли бы добыть каким-то иным путем. Дом был огромным, а из-за того, что в нем долго жила семья из восьми человек, пришел в запущенное состояние, хотя главные переделки, выполненные прежними владельцами: новые окна и крыша, работающие печь и кондиционер, — по-прежнему держались прилично. Однако краска сильно облупилась, в гипсокартонных стенах появились дыры, а из трех ванных комнат ни одна не функционировала полноценно — душ нам приходилось принимать в подвале. Тем не менее места в доме хватало, чтобы на протяжении нескольких лет принимать в нем кого угодно — друзей, родственников, постояльцев, а порой и приبلудившихся собак. Мы шутили, что если места у вас достаточно, то можно принимать гостей всех мастей.

За те три года, что мы владели домом, его рыночная стоимость увеличилась на 258%. Среди детройтцев мы — молодые белые приезжие с хорошим образованием — часто ассоциировались с изменениями, происходившими в городе, и воспринимались как их символы. Кое-кто из местных относился к приезжим наподобие нас с беспокойством, видя в появлении таких людей свидетельство перемен, которые предназначались не для старожилов и не принесут им пользы. Но многие другие мои собеседники воспринимали белых, желающих жить в Детройте, как подтверждение ценности и потенциала города, который они очень любили. Как пояснил в нашей беседе один из детройтцев, если белая семья перебирается в его квартал, там появляются новые возможности: полиция, по словам моего собеседника, не оставит обращения белых без реакции¹.

Когда мы покупали дом, немолодой чернокожий инспектор, который всю жизнь провел в Детройте, с улыбкой сообщил нам, как он рад тому, что в город возвращается белая молодежь. *«Все вы — пионеры наших дней, вы здесь, чтобы помочь возродить мой*

¹ Интервью автора с жителем Детройта Дугом, 19 июня 2013 года.

город», — сказал он¹. Мы неловко улынулись, поняв, что эти слова свидетельствуют о проблемной ситуации, сложившейся в городе. Пионеры захватывали землю, доступ к которой появлялся у них благодаря тому, что власти отнимали ее у людей, живших на ней задолго до их появления, однако отношения коренных жителей с этой землей не вписывались в правовые рамки частной собственности, навязанные пришельцами. Пионеры былых времен рассчитывали извлекать выгоду, обосновавшись на этой земле. В дальнейшем нам стало понятно, что аналогичный процесс разворачивался и вокруг недвижимости в Детройте².

Дома в нашем квартале были в основном обитаемыми, но примерно треть из них пустовала и была как следует заколочена. Вместе с появлением нашей троицы количество белых жителей в квартале достигло шести человек. Затем оказалось, что роль матери нередко может оказаться ценной отправной точкой в ходе исследования. Болтливость и общительный характер моего ребенка помогли мне подружиться с другими родителями в квартале: эти люди имели в Детройте глубокие корни, что позволило мне найти подход к участникам интервью и их личному опыту. А когда я пыталась установить контакт на общественных собраниях и схожих мероприятиях, люди часто говорили, как их достало, что их изучают понаехавшие белые исследователи, — насколько мне известно, до меня здесь побывало несколько таких специалистов. Пока наша дочь была маленькой, мы не могли позволить себе няню, поэтому она была рядом со мной в ходе значительной части полевой работы. Полагаю, что ряд жителей воспринимали меня иначе, чем других наезжавших сюда белых исследователей, с которыми они общались, именно благодаря ребенку за спиной

¹ Под пионерами здесь и далее имеются в виду европейские первопроходцы на территории Северной Америки. В 1701 году группа таких пионеров французского происхождения во главе с Антуаном Ломе де Ла Мот-Кадильяком основала торговую факторию Поншартрен-дю-Дэтруа, впоследствии ставшую городом Детройтом. — *Примеч. пер.*

² Этот процесс рассматривается в главах 8 и 9; см. также [Herbert and Brown 2023].

(сначала грудному, а потом и делавшему первые шаги) и наличию собственного жилья в этом городе. Тот факт, что у меня был здесь свой дом, сигнализировал о наличии интересов, укорененности и внимания к городу.

Меня часто спрашивают, как мне удавалось оставаться в безопасности во время моих исследований — как правило, такой вопрос задают люди, живущие не в Детройте и незнакомые с этим городом. Думаю, что нередко он возникает из-за предвзятого отношения к Детройте и устойчивых стереотипов о насилии в бедных черных районах. В то же время жизнь в Детройте принесла мне множество новых впечатлений и потребовала очень быстро учиться, чтобы сориентироваться в социопространственном окружении, которое сильно отличалось от всех других мест, где мне довелось жить. У меня не было никакой «уличной мудрости», используя термин Элайджи Андерсона [Anderson 1990], которая помогла бы мне ориентироваться в ситуациях и сценариях, изначально для меня непривычных. Об этом стоит сообщить заранее, чтобы читатель сразу имел полное представление о моем собственном опыте, связанном с конкретно этим аспектом полевого социологического исследования.

Дерек Хайра, автор книги о превращении одного из районов округа Колумбия из просто «гетто» в «позолоченное гетто», относит свою формулировку «жизнь на всю катушку» (*living the wire*) к белым горожанам, которые перебираются в какой-нибудь неблагополучный район ради того, что жить в «культовом черном гетто, где черный цвет кожи, бедность и преступность ассоциируются друг с другом», — это стильно или круто [Нуга 2017: 19]. Для урбанистов термин «гетто» имеет описательный, а не негативно-оценочный характер — им обозначается пространственная концентрация и обособление представителей той или иной социальной группы с доминирующей расовой характеристикой (в случае Детройта это чернокожие американцы) [Massey and Denton 1993]. Хотя отправиться в Детройт меня заставила не его «стильность» (точно так же, как нельзя было назвать стильными и районы, где мне довелось жить в Детройте), исследование

Хайры помогает осмыслить мой личный опыт белого человека, недавно поселившегося в городе, где большинство населения составляют чернокожие, в городе с высоким уровнем бедности, насилия и преступности.

Как отмечает Хайра, новые белые жители таких районов и старожилов не только по-разному *говорят* о насилии и преступности, но и *воспринимают* эти феномены разными способами. Например, многие белые, поселившиеся в месте, о котором пишет Хайра,

рассказывали о происходивших в их районе угонах машин, перестрелках и вырывании сумок из рук со смехом и шутками. Они говорили о преступлениях так, как будто этим можно хвастаться... как будто они гордились тем, что живут в небезопасном и неблагополучном районе. Казалось, что насилие дает некоторым из тех, кто поселился здесь недавно, право на бахвальство и предоставляет некую интересную тему, которую можно обсуждать на вечеринках [Нуга 2017: 90].

При этом Хайра противопоставляет новых жителей района, «живущих на всю катушку», и старожилов, «живущих на нервах» (living the drama)¹, то есть, по определению Хайры, старающихся «тщательно ориентироваться в экстремальных формах городского насилия и справляться с ними» [Нуга 2017: 91].

В Детройте мне довелось узнать много нового и получить значительный новый опыт—все это напоминало впечатления, о которых сообщали отдельные новые обитатели гетто из исследования Хайры, и отчасти было результатом жизни в городе, подвергшемся влиянию сегрегации, с высоким уровнем преступности и бедности. Например, я уяснила, что двери наших старых автомобилей лучше оставлять незапертыми, чтобы любой, кто захочет выяснить, нет ли внутри чего-то ценного, мог это сделать, не разбив окно. Я привыкла ходить по проезжей части улиц, потому что тротуары были слишком шаткими, а в безлюдных районах нельзя было полагаться на то, что машины станут

¹ Хайра заимствует эту формулировку из работы Дэвида Хардинга [Harding 2010].

останавливаться на знаках «стоп». Я научилась издалека угадывать звук выстрелов. Теперь я знаю, каково это — нередко оказаться единственным белым в каком-нибудь помещении, в продуктовой лавке или где угодно еще.

Я узнала о положительных и отрицательных сторонах жизни в районе, который городские власти, по большому счету, игнорировали. Например, наш сосед сделал новый съезд с улицы к себе во двор — для этого, по его словам, не требовалось обращаться за разрешением: просто отбиваешь бетон кувалдой и заливаешь его сам. Из-за того, что многодневные отключения электроэнергии стали слишком частой напастью, наши соседи арендовали генераторы, а чтобы их не украли, привязывали к ним своих собак. Во время праздников наподобие Дня независимости соседи устраивали массовые гулянки на весь квартал, рассредоточиваясь по пустырям и улицам без каких-либо помех со стороны властей. В конце нашего квартала была точка фастфуда, где я впервые увидела пуленепробиваемое стекло, разделявшее работников и посетителей. Как-то раз моему партнеру дали на близлежащей заправке фальшивую двадцатидолларовую купюру. Один наш сосед среди бела дня забрался в дом другого соседа и затем попытался продать нам украденную оттуда ударную установку. Что же касается нашего дома, то он никогда не становился мишенью грабителей — полагаю, потому, что у нас было три крупных и громко лающих питбуля-полукровки, а если заглянуть в окна, то внутри можно было увидеть только подержанные диваны и полки, забитые книгами, — ничего ценного, что могло бы соблазнить кого-то к нам вломиться.

В отличие от некоторых перебравшихся в гетто белых горожан из исследования Хайры у меня было достаточно знаний и саморефлексии, чтобы не жить в Детройте «на всю катушку». Но при этом у меня не было ощущения, что жизнь в Детройте предполагает необходимость тщательно избегать экстремального насилия. Я не «жила на нервах», поскольку насилие не ограничивало мой опыт или повседневную жизнь, как в случае мальчиков из исследования Дэвида Хардинга или у старожиллов гетто, описанных

в работе Хайры. Кроме того, поскольку я была новым человеком в этих местах, насилие не очерчивало и мой прошлый опыт. Напротив, моим обычным состоянием в Детройте было сочетание ощущений безопасности и неопределенности — последнее возникало из-за того, что обычно я не чувствовала угрозу от преступлений или насилия, происходивших вокруг. Я постоянно пыталась понять, что именно я должна ощущать или как я должна реагировать — в особенности в тех случаях, когда какие-то ситуации случались неподалеку от нашего дома. Например, однажды утром застрелили нашего соседа, жившего через несколько домов, когда он заводил машину, — детектив, с которым я разговаривала, подозревал, что это было заказное убийство, организованное его женой. Еще одного молодого человека, шедшего по нашей улице, застрелил после ссоры его знакомый. Помню, что в тот солнечный день я услышала выстрел и, замерев на мгновение, чтобы послушать, не раздастся ли еще один, выглянула в окно. Позже мы видели, как подъехала пожарная машина, чтобы смыть кровь убитого. Однажды днем, когда мы играли на улице с соседскими детьми, перед нашим домом резко затормозили пять-шесть полицейских машин, и несколько офицеров безуспешно попытались преследовать через наш задний двор двух молодых чернокожих мужчин. Когда они пробежали мимо меня, оказалось, что эти «мужчины» еще совсем подростки, а один из них был только в носках, без ботинок.

Мое личное ощущение безопасности противоречило тем сведениям, которыми часто пытались поделиться со мной старожилы, предупреждавшие, куда мне следует и не следует ходить или в каких районах лучше появляться с провожатым, чтобы быть уверенным в собственной безопасности. Одна моя собеседница из местных жителей даже отказывалась предоставить мне информацию о другом потенциальном кандидате для интервью, поскольку она полагала, что для меня будет небезопасно пытаться с ним поговорить или отправиться в район, где он жил. Размышления о таких ситуациях наталкивают на вывод, что меня нередко защищало мое привилегированное положение, к тому же ложное

ощущение безопасности порой возникало из-за моей наивности. Как и новые жители неблагополучных районов из исследования Хайры, я не знала, какие сценарии развития событий действительно являются угрожающими, а какие нет, поскольку у меня было слишком мало предшествующего опыта, на который можно было бы опереться.

Один особенно показательный случай произошел во время первого из нескольких интервью с Джеки и ее сыном Джо — оба они были взрослыми героиновыми наркоманами, которые самовольно вселились в дом, где происходила наша беседа. Они попросили заплатить за этот разговор вперед, и после того как я вручила Джо двадцатидолларовую купюру, он вышел из дома и вернулся через несколько минут. После чего продемонстрировал мне маленький черный шарик героина на ладони и спросил: «Хочешь поразвлечься?» Я опешила: от захлестнувшего прилива адреналина у меня было ощущение, что мой желудок куда-то проваливается. «Нет, спасибо», — ответила я и снова повернулась к Джеки, сидевшей за столом напротив. Она никак не отреагировала на случившееся, просто потягивала свой напиток и ждала моего следующего вопроса. Я постаралась взять себя в руки, чтобы мой голос не задрожал, но испытывала ужас. Я изо всех сил старалась продолжить нашу беседу, краем глаза наблюдая за Джо, который вернулся из соседней комнаты. Следующие несколько минут он стоял позади Джеки, время от времени вклиниваясь в разговор. Но вскоре он начал наклоняться вперед самым неловким образом, практически выключаясь от действия наркотика, и при этом стоял на ногах настолько шатко, словно вот-вот кувыркнется. Я перевела дыхание, чувствуя, как сердце возвращается к своему нормальному ритму, и тогда поняла, что Джо можно свалить с ног одним движением моей ручки. В тот момент он не был опасен. Позже, уже вернувшись домой, я рассказала о случившемся своему партнеру, но он лишь посмеялся, поскольку знал о привычках и занятиях наркоманов больше, чем я.

Я сообщаю все эти подробности во избежание любых неверных представлений о том, какую роль в подготовке этой книги

играла моя позиция как исследователя: в ходе работы я не пыталась «ассимилироваться» с местными — отчасти в силу разнообразных социальных контекстов, в которые я была включена. Скорее, ситуация выглядела так: одни собеседники были для меня более понятны и комфортны, другие — менее: социальная география Детройта столь же разнообразна, как и его материальные ландшафты. То положение, которым наделяло меня наличие своего дома в Детройте, обеспечивало наилучшую возможность получить представление о взглядах других жителей, чьи интересы были по-разному связаны с городом. Тем не менее я так и не смогла «жить на нервах», поскольку мой предшествующий опыт слишком отличался от опыта многих старожилов. С точки зрения расового и возрастного факторов, у меня было гораздо больше общего с той группой субъектов неофициального использования недвижимости, которую я отнесла к категории людей, присваивающих образ жизни (речь идет о белой молодежи, недавно появившейся в городе), нежели с теми, кто занимался присвоением собственности в рутинном порядке или в силу жизненной необходимости (как правило, это были чернокожие детройтские старожилы). Однако у меня были совершенно иные представления об этом городе, чем у многих других новоприбывших, а кроме того, я не жила «на всю катушку». В более широком смысле в процессе исследования, мне, вероятно, случалось принимать неправильные решения (в части безопасности), однако мне везло — и/или мое привилегированное положение защищало меня в ситуациях, где другие могли оказаться без защиты. Кроме того, я, вероятно, ощущала испуг в ситуациях, которые были совершенно безопасны. Поскольку мои детство и юность в основном прошли в Портленде (штат Орегон) и его окрестностях, я не была готова к жизни в таком месте, как Детройт. Время, проведенное в этом городе — как в период моего исследования, так и после его завершения, — принесло мне новый опыт и расширило мое понимание происходящего. Все это я и попыталась описать, чтобы передать то ощущение, с которым мне действительно приходилось узнавать Детройт для проведения этого исследования. И если вернуться